Религиоведение. 2021. № 4. С. 34–46.
Religiovedenie [Study of Religion]. 2021. No. 4. P. 34–46.

DOI: 10.22250/2072-8662.2021.4.34-46

[1] Дашковский П.К., [2] Шершнева Е.А.

[1,2] Алтайский государственный университет
[1,2] 656049, Россия, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66
[1] dashkovskiy@fpn.asu.ru
[2] D2703@yandex.ru

П.К. Дашковский

Е.А. Шершнева

Цензура как элемент государственно-конфессиональной политики по контролю за мусульманскими общинами Сибири во второй половине XIX – начале XX в.

Аннотация. Статья посвящена анализу роли цензуры в Российской империи как инструмента по контролю за печатными изданиями мусульман Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Источниковой базой исследования стали архивные материалы Российского государственного исторического архива, Государственного архива Алтайского края и Государственного архива Красноярского края, а также нормативно-правовые акты, регламентирующие процесс издания печатной продукции в Российской империи. На основании рассматриваемых источников сделан вывод о том, что на рубеже XIX–XX на территории Российской империи увеличивается число мусульманских печатных изданий. Мусульманское население страны начинают волновать вопросы, связанные с жизнью российской уммы в регионах, а также с участием мусульман в политической жизни страны. Активность мусульман в области издательской деятельности, а также события в стране в начале XX в. (Первая русская революция, Первая мировая война) привели к усилению цензуры печатной продукции со стороны государства. Особое внимание обращает на себя и тот факт, что в Российской империи сформировались мусульманские издательские центры. Так, несмотря на то, что Сибирский регион являлся одним из центров мусульманской культуры, он не стал центром книгоиздания. В мусульманской среде Сибири были распространены преимущественно рукописные тексты, носившие зачастую антиправительственный характер, что также требовало особого внимания со стороны органов власти. Одной из проблем, с которой столкнулась мусульманская умма Российской империи при организации издательской деятельности, было финансирование – основная масса изданий оплачивалась самой общиной. В сибирском регионе пополнение корпуса мусульманской литературы происходило за счёт изданий, поступающих из центральных губерний. В начале XX в. правительство также поддерживало распространение официальных периодических изданий для Сибирского региона с целью распространения государственных идей по борьбе с проникающими в страну концепциями панисламизма и пантюркизма.

Ключевые слова: ислам, периодические издания, цензура, мусульмане, Сибирь, государственно-конфессиональная политика

[1] Petr K. Dashkovskiy, [2] Elena A. Shershneva

[1,2] Altai State University
[1,2] 66 Dimitrov str., Barnaul, 656049, Russia
[1] dashkovskiy@fpn.asu.ru
[2] D2703@yandex.ru

Censorship as An Element of State-Confessional Policy to Control the Muslim Communities of Siberia in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries

Abstract. The article analyzes the role of censorship in the Russian Empire as a tool for controlling the printed publications of the Muslims of Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries. The source base of the study was archival materials of the Russian State Historical Archive, the State Archive of the Altai Territory and the State Archive of the Krasnoyarsk Territory and, as well as regulatory legal acts regulating

as regulatory legal acts regulating the process of publishing printed materials in the Russian Empire. Based on the sources under consideration, it is concluded that at the turn of the 19th – 20th centuries, the number of Muslim printed publications in the territory of the Russian Empire increased. The Muslim population of the country is beginning to worry about issues related to the life of the Russian Ummah in the regions, as well as the participation of Muslims in the political life of the country. The activity of Muslims in the field of publishing, as well as events in the country at the beginning of the 20th century (the First Russian Revolution, the First World War) led to increased state censorship of printed materials. Special attention is drawn to the fact that Muslim publishing centers were formed in the Russian Empire. Thus, despite the fact that the Siberian region was one of the centers of Muslim culture, it did not become a center of book publishing. In the Muslim environment of Siberia, mainly handwritten texts were distributed, which were often anti-government in nature, which also required special attention from the authorities. One of the problems faced by the Muslim Ummah of the Russian Empire in organizing publishing activities is the financing of publications. The bulk of the publications were funded by the community itself. Since the community did not have enough financial resources for publishing, many of them did not function for a long period of time. In the Siberian region, the replenishment of literature, both of a periodical nature and books, occurred at the expense of publications coming from the central provinces. At the beginning of the 20th century, the government also supported the distribution of official periodicals for the Siberian region in order to introduce state ideas to combat the ideas of pan-Islamism and pan-Turkism that were penetrating the country.

Key words: Islam, periodicals, censorship, Muslims, Siberia, state-confessional policy

Введение

Цензура, как инструмент контроля со стороны государства за изданием печатной продукции, в т.ч. и конфессионального характера, появляется с возникновением средств массовой информации. Однако цензура со стороны органов власти была направлена на контроль не только за периодическими изданиями, но и в целом за всей печатной продукцией. В России первые правовые акты, касающиеся цензуры, были приняты ещё при Петре I [Дондоков, Понуровский, 2011, 18]. Вопрос государственной цензуры всегда очень остро стоял перед имперской властью в России. Именно цензурное ведомство должно было осуществлять контроль за производством и распространением печати, то есть за периодическими и непериодическими изданиями, типографиями, книжной торговлей и библиотеками с целью управления общественным мнением. Пётр I, будучи реформатором, также не гнушался введением ряда ограничений гражданской жизни. При Екатерине II оформляется «институт цензуры», направленный не просто на контроль за жизнью граждан империи, а именно на контроль за тем, что пишут и говорят про монарха. Задачей цензурного аппарата стала охрана правопорядка в государстве через контроль за выходом в свет литературы, не противоречащей идеологическим устоям государства. Цензоры должны были следить за тем, чтобы не издавались сочинения, которые могли бы возбудить недоверие к самодержавию, а также к Русской православной церкви [Патрушева, 2014, 175].

Данная публикация посвящена изучению цензуры как элемента государственно-конфессиональной политики по контролю за мусульманскими общинами Сибири во второй половине XIX – начала XX в. Оценить значение цензуры при контроле за жизнью мусульманских общин Сибири позволили архивные материалы Государственного архива Красноярского края, Государственного архива Алтайского края, а также Российского государственного исторического архива. Указанные материалы представлены перепиской государственных органов, а также Циркулярными распоряжениями правительства, направленными на контроль за распространением печатной продукцией и изданиями в мусульманской среде.

Проблема государственной цензуры в России является весьма актуальной в современной историографии. В последние годы появляются работы, посвящённые анализу деятельности цензурного ведомства в Российской империи [Патрушева, 2013; Патрушева, 2014; Курмаев, 2015]. Отдельные исследования посвящены проблемам анализа издательской деятельности мусульманских общин в России [Данилов, 2008; Усманова, 2013; Шицкова, 2014]. Несмотря на то, что изучение конкретных региональных мусульманских изданий привлекает всё больше внимания, [Вильданова, 2014; Османова, 2013], остаётся малоизученным вопрос о контроле за изданиями такой религиозной направленности на территории Сибири. Именно обращение к архивным материалам позволяет охарактеризовать роль цензуры в жизни мусульманских общин Сибири. К тому же анализ архивных документов и

нормативно-правовых актов Российской империи даёт возможность оценить изменение цензурной политики и активность распространения печатных изданий среди мусульманского населения.

Формирование центров мусульманского книгоиздания и государственный контроль за их деятельностью

Вторая половина XIX – начало XX в. ознаменовались увеличением числа печатных изданий в Российской империи. При этом их содержание становиться более разнообразным, что привело к потребности пересмотра старого законодательства о цензуре. В этот период надзор за цензурной деятельностью был возложен на Совет министров внутренних дел по делам печати. Российское правительство во второй половине XIX – начале XX в. очень остро начинает ощущать потребность в установлении контроля за деятельностью религиозных общин на территории государства. Перед правительством продолжает стоять проблема духовной безопасности России. Установление порядка в стране осуществлялось на законодательной основе. Законодательство Российской империи полностью контролировало жизнь граждан страны, в том числе стремилось к контролю за всеми аспектами конфессиональной политики в отношении разных вероисповеданий, действующих на территории империи [Гаврилов, 2009]. С целью более тщательного надзора за печатными изданиями в 1863 г. Главное управление цензуры из Министерства народного просвещения было переведено в ведение Министерства внутренних дел. В след за этим в 1865 г. последовало принятие «Временных правил о цензуре и печати», которые прежде всего касались научно-исторической и периодической печати [Шендрикова, Данилин, 2019].

Особое внимание со стороны имперских органов власти уделялось контролю за мусульманским населением страны. С середины XIX в. в Российской империи усиливается интерес к научному анализу арабо-мусульманской культуры. Способствовали детальному изучению мусульманской культуры факультет восточных языков Петербургского Императорского университета, открытый в 1855 г., а также Императорское русское географическое общество и Восточное отделение Императорского русского археологического общества. Материалы об исламском Востоке печатали как популярные издания, рассчитанные на широкий круг читателей, так и сугубо научные [Исламские города, 2015, 5–6].

Активный интерес к мусульманской культуре и традиции был связан ещё и с тем, что представители данной религиозной традиции занимали второе место по числу последователей среди населения Российской империи [Арапов, 2004, 3]. К тому же в ряде регионов государства представители исламской культуры занимали господствующее положение. Активно развивавшаяся книгопечатная деятельность могла способствовать распространению и укреплению исламских традиций на территории Российской империи.

Сибирский регион, в котором проживали последователи ислама, познакомился с мусульманской книжной культурой ещё в конце XIV в., когда на территории Западной Сибири стали действовать проповедники этой религии. Однако вплоть до конца XVIII в. мусульманская книга в России имела рукописную форму, что объяснялось отсутствием типографий с арабским шрифтом. К тому же отношение со стороны властей к мусульманской книжной культуре было неоднозначным. Правительство опасалось, что увеличение числа мусульманских изданий может привести к упадку православной веры, а также не будет способствовать укреплению позиций гражданского закона [Данилов, 2008, 128–129]. В 1865 г. были приняты «Временные правила о цензуре и печати», которые действовали до 1905 г. Фактическим автором данных правил был министр внутренних дел П.А. Валуев. Упомянутый закон позволил государству контролировать не только содержание печатной продукции, но и в целом всё книжное дело. С того момента, как Главное управление по делам печати перешло в ведение Министерства внутренних дел и были изданы новые Правила, Управление начинает осуществлять государственно-охранительную деятельность в области книгоиздания, типографского дела, книжной торговли [Шицкова, 2014, 23–24].

На полицейские органы возлагалась обязанность по контролю за всей печатной продукций в стране. Местные полицейские чиновники при малейшем подозрении должны были проводить обязательный осмотр печатных изданий. Такие

же функции имели волостные старшины и сельские старосты [Шицкова, 2014, 24]. Обеспокоенность положением мусульманских народов на восточных окраинах Российской империи была высказана Оренбургским генерал-губернатором в 1867 г. в направленной министру внутренних дел бумаге. По его мнению, российское правительство со времён правления Екатерины II ослабило контроль за деятельностью мусульман, а точнее даже даровало им свободу, что породило замкнутость в мусульманской среде и сделало невозможным контроль со стороны административных органов. К тому же стали отмечаться случаи перехода из православия и других религиозных направлений в ислам [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 594. Л. 36об.]. Кроме того, миссионерами Русской православной церкви была высказана озабоченность увеличением численности мусульманских изданий во второй половине XIX в., т.к. это, по их мнению, способствовало переходу крещёных татар в ислам. Таким образом, мусульманское книгоиздание во второй половине XIX в. находилось под пристальным контролем как государственной власти, так и Русской православной церкви [Данилов, 2008, 131–132].

В Российской империи важнейшим центром мусульманского книгопечатанья в XIX – начале XX в. становиться Казань. Именно из этого центра печатные издания распространялись по территории всей страны. Казанская типография издавала как Коран, так и исламскую литературу разного плана [Османова, 2013, 55–56]. В 1874 г. цензурный комитет из Казани был переведён в Санкт-Петербург, что усложнило процесс мусульманского книгопечатания. Согласно издаваемым циркулярам, следовало особенно пристально обращать внимание на издание мусульманской литературы. Так, например, стало обязательным ставить на обороте заглавного листа исламской литературы печать цензурного дозволения на русском языке [Османова, 2013, 60].

В рамках данного нововведения со стороны государства в 1892 г. начальником главного управления по Делам Печати сообщалось в Департамент духовных дел иностранных исповеданий, что большинство мусульманских издателей и книжных торговцев считает для себя мало возможным указывать на книгах на русском языке сведения о том, когда они одобрены цензурой. Согласно мусульманской традиции, на многих книгах, особенно на Коране, вообще запрещены любые надписи. В указанном донесении отмечалось, что требования, предъявляемые государством, в этом отношении ущемляли религиозные права мусульман [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 833. Л. 3–3 об.]. Департаментом духовных дел иностранных исповеданий было поручено профессору В.Д. Смиронову, как представителю цензурного комитета г. Санкт-Петербурга, подготовить отзыв о том, не является ли заявление казанских издателей религиозной выдумкой, и выяснить, насколько требование, предъявляемое комитетом по печати, нарушает религиозные права мусульманского населения империи [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 833. Л. 9–9 об.]. Аналогичный запрос для решения возникшей проблемы был сделан директором Департамента духовных дел иностранных исповеданий на имя ахуна Баязитова, который после обращения к законам Шариата указал, что требования цензуры никак не противоречат мусульманскому закону. Было установлено, что догматика ислама не предполагает фанатичного негативного отношения к другим языкам. Соответственно, был сделан вывод, что только на священной книге мусульман – Коране – следует разрешить не ставить печати о цензуре. В остальных же случаях предписывалось ставить отметку о цензурной проверке, поскольку это никак не противоречит мусульманскому закону [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 833. Л. 11–11 об.].

Вопросы, касающиеся мусульманских книжных изданий во второй половине XIX в., во многом связаны с процессами религиозно-нравственного возрождения в мусульманской культуре. Данный процесс выразился в критике политики имперской власти в отношении российских мусульман. В этот период начинают появляться книги, критикующие царскую политику, а также выражающие идею автономии мусульманских народов империи. Данного рода издания распространялись нелегально, т.к. не получали поддержки со стороны официальной цензуры. Кроме того, Министерство внутренних дел было вынуждено периодически вводить запреты на ввоз мусульманских книг из-за границы [Данилов, 2008, 132].

Цензором Петербургского цензурного комитета Василием Дмитриевичем Смирновым в 1889 г. была подготовлена аналитическая записка об издании печатных мусульманских изданий за 1885–1888 гг. В этом документе он обратил внимание,

что содержание мусульманских изданий за указанные годы практически не изменилось и имело преимущественно религиозное содержание. В то же время развитие буржуазных отношений в мусульманской среде на фоне социально-экономических преобразований в стране в конце XIX в. начинает демонстрировать потребность в образовании широкого круга населения, исповедующего ислам [Хайрутдинов, 2011, 138]. В рамках наметившихся преобразований происходило усиление позиции новометодных школ, а вместе с ними и увеличения количества изданий, носящих преимущественно просветительский и воспитательный характер, которые не могли не вызвать опасения со стороны цензуры. В результате наметившейся тенденции В.Д. Смирнов начинает отказывать в публикации рукописей просветителей, призывающих мусульман Российской империи к прогрессу [Загидуллин, 2014, 38]. Развитие прогрессистских идей в мусульманской среде содействовало формированию нового типа мусульманина, способного отстаивать свои права в поликонфессиональном государстве. К тому же правительство опасалось, что наряду с конструктивными идеями общественного развития в мусульманскую среду начнут проникать революционные идеи, враждебные политическому устройству государства и лично роли монарха в нём.

Департаментом духовных дел иностранных исповеданий в 1892 г. был направлен в регионы губернаторам Циркуляр, в котором указывалось, что Министерством народного просвещения выявлено распространение среди татарского населения в Казанском и Оренбургском учебных округах литературы антиправительственного содержания, которая не проходила этап цензурного рассмотрения. В результате этого было принято решение, согласно которому для преподавания в мусульманских школах допускалось использование только печатной литературы, прошедшей цензуру. Кроме того, предписывалось допускать в мусульманские учебные заведения преподавателей, которые получили образование в России и имеют русское подданство [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 833. Л. 14–14 об.].

О неблагонадёжности части мусульманского населения Сибири свидетельствовал, в частности, и факт обнаружения изданий антиправительственного характера в результате проверки в 1892 г. Министерством народного просвещения мусульманских школ в Томской губернии. В ходе проверки кроме печатных книг религиозного содержания были обнаружены рукописные книги и тетради, заключающие в себе стихи и песни на татарском языке, в которых оплакивается зависимость татар от Русского государства, восхвалялись турки и другие мусульманские народы Востока. В школах также были обнаружены Константинопольские издания антиправительственного содержания [ГААК. Ф. 181. Оп. 1. Д. 41 Л. 69].

Таким образом, в 1894 г. правительством было принято решение о допустимости использования в мусульманских школах только печатных учебников, одобренных цензурой, и полном изъятии рукописных книг [РГИА. Ф. 1291. Оп. 3. Д. 1569. Л. 2–2об.]. Данные ограничения в определённой степени затрудняли издание учебной литературы. В 1894 г. Оренбургским муфтием были предоставлены в Департамент духовных дел иностранных исповеданий сведения о том, что рядом мулл было направлено в Министерство внутренних дел прошение о повторной печати уже прошедших цензуру книг без дополнительного рассмотрения [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 833. Л. 14–14 об.].

Следует отметить, что распространению книжной культуры в Российской империи на рубеже XIX–XX вв. способствовало развитие библиотечной системы. Мусульманские библиотеки и читальни открывались преимущественно при мечетях по инициативе самих общин верующих. Такие конфессиональные библиотеки были открыты в Омске, Томске, Таре, Тобольске [Данилов, 2008, 136]. Мусульманские библиотеки пополнялись за счёт увеличившегося оборота издательской продукции и старались отвечать интересам верующих. В связи с этим они также не могли избежать контроля за печатной продукцией со стороны государственных структур.

Важно обратить внимание на то, что имперские власти отслеживали не только печатные издания по исламу, но и рукописные тексты, в том числе – передаваемые в виде писем. Так, например, у одного из киргизов Сыр-Дарьинской области Туркестанского генерал-губернаторства в 1899 г. было найдено письмо, подписанное татарином, живущим в г. Красноярске, Сулейманом Ходжи. Под грифом «секретно»

данное письмо было передано Красноярскому полицмейстеру с целью дознания точного местонахождения в городе указанного татарина. Кроме того, предписывалось узнать его общественное, семейное положение, на какие средства он живёт, а также какое влияние он имеет на единоверцев и вызывает ли подозрения из-за пропаганды или сбора сведений. Письмо вызывало особый интерес со стороны государственных чиновников ещё и потому, что в нём содержались сведения эсхатологического характера, а также информация о том, что мусульмане ведут безнравственный образ жизни [ГАКК. Ф. 595. Оп. 8. Д. 2744. Л. 1–4об.].

Распространение печатной продукции через систему школьного образования и её использование для воспитания мусульманской интеллигенции нового типа вызывали серьёзные опасения со стороны государства. Именного распространение реформаторских идей побудило в 1900 г. директора Департамента полиции С.Э. Зволянского направить циркулярное предписание губернаторам. В этом циркуляре предписывалось предоставить из губерний сведения о лицах, являющихся авторами «новаторских сочинений». Эти сведения должны были отражать данные об образовании авторов сочинений, а также их связях. Кроме того, предписывалось указать, имеются ли у таких лиц контакты с младотурками. В рамках направленного циркулярного распоряжения также запрашивались сведения о наличии в губерниях новометодных школ и информация о том, где они конкретно располагаются и кем образованы. Кроме того, необходимо было указать, кому подчиняются данного рода учебные заведения, и кто в них является учителем [Загидуллин, 2014, 41].

В начале XX в. все издания на территории Российской империи по-прежнему проходили внутреннюю цензуру. Однако в связи с ростом количества изданий в 1903 г. было увеличено число центров цензуры. Это произошло за счёт назначения цензоров в губернских городах, в т.ч. в Сибири, например, в г. Томске. Задачей цензуры по-прежнему состояла в выявлении вредных мыслей, направленных против Русской православной церкви, самодержавия, институтов государственной власти и имперских законов [Курмаев, 2015, 378].

Политические преобразования в стране и их влияние на политику государственной цензуры мусульманских изданий в начале XX в.

В Российской империи накануне 1905 г. потребность в изменении законодательства о цензуре и печати ещё более обострилась. Представители различных политических партий и общественности стремились получить больше свобод, в т.ч. и свободу слова и печати. Первая русская революция побудила императора Николая II к проведению определённых реформ в государстве. В частности, издание 17 октября 1905 г. Манифеста «Об усовершенствовании государственного порядка» [Полное собрание, 1908, 754–755] предполагало введение свободы слова и печати. Принятые новые законодательные нормы способствовали распространению и развитию периодической печати в Российской империи. Мусульманская периодическая печать зародилась ещё в 1883 г. с началом издания И. Гаспринским газеты «Терджиман». Кроме того, после Манифеста 1905 г., расширившего свободу слова и печати, появляется ещё ряд новых конфессиональных изданий мусульманской направленности [Данилов, 2008, 133].

В начале XX в. Оренбургское магометанское духовное собрание также начинает испытывать потребность в выражении своей позиции через периодическую печать. В связи с этим начинает выходить в свет журнал «Маглюмат», разрешённый уфимским губернатором в 1905 г. Однако одним из первых мусульманских периодических изданий стала газета «Нур», разрешённая государством ещё в сентябре 1905 г. и выходившая под редакцией ахуна Санкт-Петербургской мечети Баязитова. Таким образом имперская власть демонстрировала свою лояльность к официальным учреждениям ислама. В рамках созданного издания Оренбургское магометанское духовное собрание стремилось к освещению своей работы среди населения. К тому же журнал, публикуя правительственные распоряжения и указы, предписания и фетвы муфтия, стал информационным каналом для мусульманского духовенства в регионах. Однако данный журнал просуществовал недолго и уже в 1910 г. прекратил выпускаться. Только в 1915 г. по инициативе муфтия М.С. Баязитова журнал обрёл новую жизнь. Однако муфтий рассматривал Оренбургское магометанское духовное собрание преимущественно как государственный орган имперской системы управ-

ления. В этой связи издаваемый журнал освещал преимущественно официальную позицию государства в отношении народов, исповедующих ислам в России.

Следует отметить, что благодаря принятым в 1905 г. т.н. «Временным правилам о повременных изданиях» была отменена предварительная цензура. Это позволило на страницах вновь создаваемых газет и журналов обсуждать актуальные вопросы общественно-политической жизни мусульманских народов страны. Однако, несмотря на видимую свободу, имперские органы власти стремилось контролировать издательскую деятельность многих газет. Так, например, обличительные статьи в газете «Тормыш», издаваемой в Уфе, против создания консервативной мусульманской партии или назначения на должность муфтия М.-С. Баязитова привели к наложению на неё штрафа [Вильданова, 2014, 31–32].

Кроме того, несмотря на принятые новые правила и отмену предварительной цензуры, говорить о свободе печати не приходилось. Ограничительные меры для издательской деятельности по-прежнему сохранялись, а все издания могли выходить в свет только после их оценки цензорами. Так, издания объёмом не более пяти листов выпускались в свет по прошествии двух дней. Если издание не превышало одного печатного листа, то выходило в свет только лишь по прошествии семи дней. Инспектор по делам печати по-прежнему мог налагать аресты на издания, направляя вопрос о решении в судебные органы [Потапов, 2017].

Одной из особенностей мусульманской периодической печати стало то, что она полностью существовала за счёт своих читателей. К тому же видимая свобода была ограничена нормами цензуры, что накладывало отпечаток на характер изданий и их количество. Революционные события 1905–1907 гг. только усилили контроль со стороны государства за мусульманскими изданиями, что зачастую приводило к запрету на публикацию ряда материалов, либо издание их в сокращённом виде [Хайрутдинов, 2011, 140].

В то же время революционные события в стране привели к появлению достаточно большого количества мусульманских периодических изданий, хотя их существование часто было недолгим. Большинство изданий, начавших выходить в свет в 1905 г., просуществовали не более года и были закрыты в результате наложенных на них штрафов и арестов отдельных номеров. Небольшое число таких изданий и их недолговечность можно связать не только с карательными мерами со стороны государства, но и с тем, что они носили зачастую переводной характер, а потому почти не затрагивали истинных проблем мусульманских общин Российской империи. К тому же с ослаблением революционной борьбы в мусульманской среде пропадает интерес к радикальным политизированным изданиям [Усманова, 2013, 150]. В 1905–1907 г. обсуждался проект введения государственной монополии на мусульманские издания. Данная мера позволила бы установить контроль над издательской деятельностью народов, исповедующих ислам в России. Рост числа мусульманских изданий в начале XX в. был актуален только для религиозных центров. Что касается Сибири, то число мусульманских книг на её огромных просторах было незначительным, а обеспечение литературой происходило за счёт книг, изданных в центре страны.

Следует отметить, что угасание интереса к мусульманским изданиям, носящим политизированный характер, не остановило процесс их появления на территории Российской империи. Государственными органами по-прежнему осуществлялся тщательный контроль за всей печатной продукцией, проникавшей в мусульманскую среду Российской империи. Так, в 1910 г. в Главное управление по делам печати из Департамента духовных дел иностранных исповеданий было направлено извещение о том, что было проведено дознание о нелегальном распространении брошюр среди татарского населения г. Актюбинска Тургайской области. В процессе расследования было установлено, что данные брошюры являлись документами турецкого происхождения, попавшими на территорию Российской империи ещё до 1905 г., а именно до издания Манифеста о веротерпимости. Департамент духовных дел иностранных исповеданий направил запрос в управление по делам печати, в котором просил установить содержание подобной брошюры, а также период её появления в России. Аналогичный запрос был направлен и в Департамент полиции [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 1199. Л. 40–40 об., 45–45 об.].

В то же время оценка появляющихся на территории Российской империи мусульманских изданий требовала большого количества специалистов, способных проанализировать характер печатной продукции, а также то, какое значение она будет играть в жизни мусульманской уммы страны. В связи с этим в августе 1911 г. Департаментом духовных дел иностранных исповеданий было направлено представление в Совет Министров, где указывалось о необходимости создания особых курсов для изучения ислама и языков, на которых говорят мусульманские народы. Кроме того, предлагалось начать издание специализированного периодического журнала, освещающего вопросы мусульманского мира [РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 450. Л. 47]. Создание и организация курсов должны были быть возложены на Министерство внутренних дел. Причём средства на издание периодического органа предлагалось изыскать из собственных ресурсов. При их недостатке предписывалось обратиться к министерству Финансов и государственного контроля [РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 450. Л. 53–53об.].

Данные идеи были также связаны и с тем, что к началу XX в. во всём мире стал проявляться повышенный интерес к изучению ислама. В странах Европы появляются журналы, посвящённые проблемам исламоведения. Россия также начинает испытывать потребность в изучении российского ислама. С этой целью создаётся журнал «Мир ислама», который освещал вопросы положения мусульманских народов в Российской империи. Увеличивается и число официальных мусульманских изданий. Только за один 1912 г. было напечатано 608 наименований книг в количестве 2 812 380 экземпляров по исламской проблематике. Каждая из этих книг требовала контроля и описания со стороны Главного управления по делам печати. Особую роль в рассматриваемый период играли мусульманские газеты. Мусульман совершенно не интересовали общемировые новости, как и общероссийские, если только они не касались жизни мусульманской уммы. При этом чем дальше происходило погружение в мир ислама, тем шире становились темы, которые рассматривались на страницах журнала [РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 450. Л. 1–25 об.]. С 1912 г. стала издаваться «Мусульманская газета», которая выходила на русском языке и являлась независимым изданием, распространяющимся в городах Сибири (Тюмень, Омск и др.). В то же время задуманный имперской властью журнал «Мир ислама» должен был бесплатно распространяться среди мусульманских народов Урала и Сибири с целью воспрепятствовать распространению радикальных идей ислама. Однако такую задачу с помощью указанного издания не удалось реализовать в полной мере [Данилов, 2008, 134–135]. Активная включённость органов государственный власти в издательскую деятельность мусульманских народов страны была преимущественно связана с установлением контроля за ними. Именно официальные издания должны были служить целям формирования прогосударственного общественного мнения в мусульманской среде Российской империи.

Цензурная политика в отношении мусульманской прессы в годы Первой мировой войны

Российское правительство в начале XX в. всё острее волновал вопрос взаимоотношений российских мусульман с единоверцами из других стран, а также их восприятие событий, происходящих в мире. Ещё 20 марта 1913 г. Департамент полиции МВД направил всем губернаторам, градоначальникам, а также полицейским органам секретный Циркуляр, в котором сообщалось, что в среде мусульман России наблюдается недовольство имперской властью в связи с поражением турецкой армии на Балканах. Кроме того, сообщалось, что среди мусульман распространяется информация о якобы готовящейся войне с Китаем. При этом распространители таких идей указывали, что мусульманам в этой войне следует поддержать Китай, что позволит им в дальнейшем отстоять своё право на независимость. Мусульманам предлагалось сплотиться с Японией и Китаем и выступить против Российского государства. Особенно широко такие настроения выявлены в среде мусульман, проживающих в Туркестане, Семиречье и Фергане, а также среди ряда киргизов (казахов). Среди мусульман также распространялись прокламации, в которых населению предлагалось организовать сбор пожертвований в пользу раненых турков. Имена жертвователей, согласно прокламации, должны были печататься в газете «Тусь» в

виде приложения два раза в неделю. В связи с этим Департамент Полиции просил усилить контроль за печатными изданиями мусульман в империи, а также освятить настроения, господствующие в мусульманской среде в регионах [РГИА. Ф. 776. Оп. 22. Д. 82. Л. 2–2 об.].

Начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война внесла свои коррективы во все сферы жизни российского общества, в т.ч. и в мусульманскую периодическую печать. Проблема военных действий была одной из ведущих тем всех периодических изданий. При этом издававшиеся на татарском языке газеты затрудняли процесс контроля за публикуемыми материалами. Особо пристальное внимание со стороны государства начинает уделяться мусульманской прессе после вступления в войну Османской империи. Так, на страницах газеты «Сюз» была поднята проблема участия мусульманского населения Российской империи в войне со своими единоверцами. Было высказано мнение, что участие татар в Первой мировой войне только разрушает мусульманский мир. После выхода указанных публикаций по заключению цензуры было решено пресечь подобного рода рассуждения на страницах мусульманской прессы, а саму газету закрыть. Освещение вопросов военных действий становится более корректными после принятия 20 июля 1914 г. «Временного положения о военной цензуре» [Гилазев, Айнутдинов, 2017, 53–54; Временное положение, 2014].

Следует подчеркнуть, что в целом мусульманская печать в годы войны мало чем отличалась от общих тенденций, наблюдавшихся в рассматриваемый период в прессе. На её страницах также прослеживались антигерманские настроения и настороженное отношение к Турции. Мусульманская пресса пыталась преодолеть и противомусульманские настроения в стране. На страницах изданий неоднократно указывалось на то, что русские подданые мусульмане готовы защищать Россию с оружием в руках. В 1915 г. в мусульманской печати начинают активнее звучать антивоенные настроения, что также роднило её с российской прессой в целом. Антивоенные настроения по мере затягивания военных действий стали постепенно получать распространение среди разных слоёв российского общества [Соболев, 2017, 161–162].

В годы Первой мировой войны пресса становится главным средством пропаганды не только внутри страны, но и за её пределами. Германские власти проявляют особый интерес к периодическим изданиям как средству распространения антиправительственных настроений в мусульманской среде. С этой целью было создано Русское бюро Службы информации по Востоку. Задачей данного органа стало изготовление и сбыт печатных изданий пропагандистского характера среди мусульманского населения России. Начиная с 1915 г. в свет начала выходить газета «Эль-Джихад», которая носила сугубо пропагандистский характер и печаталась как на русском, так и татарском языках [Гилязов, 2015, 105–107]. Следует, однако, отметить, что данное издание не принесло желаемых результатов.

28 марта 1916 г. Департаментом полиции МВД под грифом «секретно» были направлены в Главное управление по делам печати сведения, согласно которым Германия ещё в 90-ые гг. XIX в. начала вести пропагандистскую деятельность среди мусульман Турции и Персии. В печатных изданиях, распространяющихся на данных территориях, Германия обещала помочь мусульманским государствам вернуть их могущество. Постепенно немецкая пропаганда проникла и в среду российских мусульман, в первую очередь – на территорию Поволжья, Кавказа и Туркестанского края.

С началом Первой мировой войны деятельность немецких агентов в мусульманской среде только усилилась. В Европе такая активность немецкой агентуры привела к контролю за мусульманскими изданиями. В ответ Департаментом полиции было принято решение об организации изданий на тюркских, в том числе татарском, языках, а также на арабском языке. Данные издания должны были разъяснять мусульманам-подданным Российской империи истинные намерения Германии и осветить её роль в войне [РГИА. Ф. 776. Оп. 33. Д. 258. Л. 1–2].

В 1916 г. Министром народного просвещения было высказано пожелание Комитету народных изданий о том, чтобы среди инородцев были распространены полезные издания, переведённые на традиционные языки указанных народов. Данное предложение было одобрено Советом Министров, поэтому Комитету народных изданий было выделено на эти цели 200 000 рублей [РГИА. Ф. 776. Оп. 33. Д. 254.

Л. 1]. Особенно помощником пограничной части наместником Его Императорского Величества на Кавказе рекомендовалась публикация портретов императорской семьи. Кроме того, подчёркивалось, что будет полезно осветить информацию о службе мусульман в российской армии. В подготавливаемых публикациях рекомендовалось сделать акцент на доброжелательном отношении к инородцам со стороны русских солдат, а также осветить подвиги мусульман, находящихся в русской армии. Все издания должны были отражать ошибки в политике, проводимой Турцией, и указывать на происки немецкой армии на территории Персии. При этом чётко оговаривалось, что среди народов Кавказа только для азербайджанцев следовало все листовки переводить на их родной язык. Что касается остальных мусульманских народов Кавказа, то они, согласно сделанному заключению, могли ознакомиться с печатными листовками и на русском языке [РГИА. Ф. 776. Оп. 33. Д. 254. Л. 4–4 об.].

В 1916 г. со стороны Департаментом полиции был разослан Секретный Циркуляр, в котором указывалось, что в мусульманской среде ещё в конце XIX в. наметились брожения и недовольства имперским политическим режимом. После русско-японской войны эти недовольства стали усиливаться. В 1906 г. мусульмане на съезде в Санкт-Петербурге пришли к решению о присоединении к конституционно-демократической партии. Особую роль в это время начала играть мусульманская пресса. Именно через неё прогрессивная мусульманская общественность стремилась воздействовать на своих единоверцев [ГАКК. Ф. 830. Оп. 1. Д. 83. Л. 30 33]. Кроме того, Департаментом полиции под грифом «секретно» был направлен начальникам губернских жандармских управлений и охранных отделений Циркуляр, в котором указывалось, что в мусульманских школах и обществе в целом усиливается влияние со стороны проповедников из Турции. При этом правоохранительным структурам предписывалось выслеживать таких проповедников и пресекать из деятельность в соответствии с российским законодательством [ГАКК. Ф. 830. Оп. 1. Д. 83. Л. 36].

Заключение

Таким образом, несмотря на все преобразования в стране и предоставления свободы слова и печати в начале XX в. мусульманская печатная продукция находилась под пристальным контролем со стороны имперских органов власти. Мусульманская общественность, стремившаяся освятить основные проблемы, стоящие перед уммой, а также изложить свои идеи по поводу преобразований, не смогла полностью решить данную проблему через набирающую обороты мусульманскую печать. Неравномерно распространялась и издательская продукция среди мусульманского населения страны. Так, мусульмане Сибири получали печатную продукцию, изданную за пределами региона, преимущественно в Казани. Жёсткий контроль и цензура привели к появлению рукописных книг, а также к снижению интереса со стороны мусульман к официально одобренной государственной властью прессе. Многие мусульманские издания публиковали материалы, связанные с общеисламской культурой, не обращая внимания на вопросы, связанные с жизнью мусульман в российских губерниях. Государственная цензура стала сдерживающим фактором в развитии мусульманской печати и вела к постепенному сокращению её объёма. В начале XX в. интерес мусульманского населения страны к периодическим изданиям существенно снизился. К тому же официальные издания мало чем отличались в идеологическом плане от общероссийской прессы.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках реализации грантов Российского фонда фундаментальных исследований №21-011-44027 и №20-59-44004.

Acknowledgments

The article was prepared within the framework of the implementation of grants from the Russian Foundation for Basic Research No. 21-011-44027 and No. 20-59-44004.

Список сокращений

ГААК – Государственный архив Алтайского края
ГАКК – Государственный архив Красноярского края
РГИА – Российский государственный исторический архив

Библиографический список

1. Азаматова, Г.Б. Оренбургский муфтият в публичном пространстве начала XX века / Г.Б. Азаматова // Проблемы востоковедения. – 2019. – № 4 (86). – С. 8–14.
2. Арапов, Д.Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX вв.) / Д.Ю. Арапов – М.: МПГУ, 2004. – 288 с.
3. Вильданова, Р.К. Роль уфимской газеты «Тормыш» в демократических преобразованиях тюркского общества в 1914–1918 гг. / Р.К. Вильданова // Вестник Бурятского государственного университета. – 2014. – № 2. – С. 31–34.
4. Временное положение о военной цензуре. – Пг., 1914. [Электронный ресурс]. – URL: http://elib.shpl.ru/ru/nodes/13677-rossiya-zakony-i-postanovleniya-vremennoe-polozhenie-o-voennoy-tsenzure-utverzhdeno-20-iyulya-1914-goda-pg-1914 (дата обращения 28.01.2021).
5. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 181. Оп. 1. Д. 41. Переписка с Бийским окружным исправником о распространении антирусской литературы.
6. Гаврилов, А.Ф. Проблемы духовной безопасности Российской империи в XVIII – начале XX вв. / А.Ф. Гаврилов // Вестник Военного университета. – 2009. – № 3 (19). – С. 148–153.
7. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 595. Оп. 8. Д. 2744. Дело по отношению Военного Губернатора Сыр-Дарьинской области с препровождением копии с письма подписанного татарином живущим в городе Красноярске Сулейманом Ходжи.
8. ГАКК. Ф. 830. Оп. 1. Д. 83. Циркуляры особого отдела департамента полиции МВД о надзоре за членами Ордена Иоаннитов, Петроградского народнического блока, русскими мусульманами и настроениями в обществе.
9. Гилазев, З.З. Татарская периодическая печать Первой мировой войны / З.З. Гилазев, Р.А. Айнутдинов // Вестник Вятского государственного университета. – 2017. – № 10. – С. 53–56.
10. Гилязов, И.А. Германская Служба информации по Востоку и Организация печатной пропаганды среди мусульманских народов России в годы Первой мировой войны / И.А. Гилязов // Новый исторический вестник. – 2015. – № 2 (44). – С. 103–115.
11. Данилов, В.Л. Из истории издания и распространения мусульманской книги в России / В.Л. Данилов // Вестник Омского университета. – 2008. – № 3. – С. 127–146.
12. Дондоков, Ц.С. Цензура печати в Российской империи / Ц.С. Дондоков, Я.А. Понуровский // Вестник ЧитГУ. – 2011 – № 6 (73). – С. 18–21.
13. Загидуллин, И.К. Новые явления в культурной и общественной жизни мусульман на рубеже XIX–XX вв. / И.К. Загидуллин // Гасырлар авзы – Эхо веков. – 2014. – № 3/4. – С. 37–54.
14. Исламские города в русской периодической печати XIX – начала XX века / сост. Г.З. Пумпян. – М.: ООО «Садра», 2015. – 304 с.
15. Курмаев, М.В. Внутренняя цензура иноязычных книг в Российской империи (вторая половина XIX – начало XX в.) / М.В. Курмаев // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2015. – № 3 (2). – Т. 17. – С. 377–382.
16. Османова, М.Н. Казань – центр мусульманского книгопечатания в Российской империи в XIX – начале XX века / М.Н. Османова // Исламоведение. – 2013. – № 1. – С. 54–63.
17. Патрушева, Н.Г. Цензурное ведовство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX – начале XX века. / Н.Г. Патрушева. – СПб.: Северная звезда, 2013. – 620 с.
18. Патрушева, Н.Г. Система государственного контроля за печатью в Российской империи (вторая половина XIX – начало XX века) / Н.Г. Патрушева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 1. – Ч. 1. – С. 175–178.
19. Полное собрание законов Российской империи. – СПб.: Государственная типография, 1908. – Собрание III. – Т. 25. – 966 с.
20. Потапов, Ю.А. Реформы законодательства Российской империи о цензуре и печати в начале XX в. / Ю.А. Потапов // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2017. – № 4 (37). – С. 18–23.
21. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 776. Оп. 22. Д. 82. Главное управление по делам печати Министерства внутренних дел. О пропуске литографических камней.
22. РГИА. Ф. 776. Оп. 33. Д. 254. Главное управление по делам печати Министерства внутренних дел. Об издании листков, плакатов и т. п. Комитета народных изданий на инородческих языках.
23. РГИА. Ф. 776. Оп. 33. Д. 258. Главное управление по делам печати Министерства внутренних дел. О мерах против германофильской пропаганды среди русского мусульманства.
24. РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 594. Дело по вопросу об изменении порядка управления духовными делами магометан в России в целях борьбы с исламизмом и противодействия его влиянию на немагометанские народы Поволжья, Сибири и Средней Азии.

25. РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 833. Переписка с Главным управлением по делам печати и другими учреждениями по разным вопросам, связанным с цензурой магометанских духовных и светских сочинений, в том числе по вопросу о запрещении применения иностранных и рукописных учебников в магометанских школах.
26. РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 1199. Переписка с губернаторами, Главным управлением по делам печати и другими учреждениями и должностными лицами о расследовании деятельности не утверждённого правительством Мусульманского союза и в связи с появлением в периодической печати сведений об антиправительственных выступлениях магометан.
27. РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 450. Об издании журнала «Мир ислама», субсидируемого правительством.
28. РГИА. Ф. 1291. Оп. 3. Д. 1569. Об определении порядка переселения в Турцию мусульман, проживающих в России.
29. Соболев, В.Г. «Мусульманский вопрос» в Российской империи накануне революционных событий 1917 года / В.Г. Соболев // Февральская революция: история и современность. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2017. – С. 151–171.
30. Усманова, Д.М. «Национальная татарская печать отличается всюду одинаковостью направления…»: татарская периодическая печать 1905–1916 гг. количественная и качественная характеристика / Д.М. Усманова // Симбирский научный вестник. – 2013. – № 3 (13). – С. 147–152.
31. Хайрутдинов, Б.Ю. Татарская периодическая печать начала XX века как источник по изучению новометодных преобразований в мусульманских сельских общинах / Б.Ю. Хайрутдинов // Вестник ТГГПУ. – 2011. – № 4 (26). – С. 138–141.
32. Шендрикова, С.П. Деятельность Министерства внутренних дел царской России в контексте цензурных запретов и ограничений (вторая половина XIX в.) [Электронный ресурс] / С.П. Шендрикова, П.Н. Данилин // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2019. – Т. 1. – № 2 (50). – URL: http://scientific-notes.ru/#new-number?id=142 (дата обращения 28.01.2021).
33. Шицкова, М.А. История книгораспространения в Оренбургской губернии во второй половине XIX – начале XX века / М.А. Шицкова. – Челябинск: Челябинская государственная академия культуры и искусств, 2014. – 155 с.

Текст поступил в редакцию 09.07.2021.
Принят к публикации 27.10.2021.
Опубликован 23.12.2021.

References

1. Azamatova G.B. *Problemy vostokovedeniia* [Problems of Oriental Studies]. 2019, no. 4 (86), pp. 8–14 (in Russian).
2. Arapov D.Yu. *Sistema gosudarstvennogo regulirovaniia islama v Rossiiskoi imperii (posledniaia tret' XVIII – nachalo XX vv.)* [The system of state regulation of Islam in the Russian Empire (last third of the 18th – early 20th centuries)] Moscow: MPGU, 2004, 288 p. (in Russian).
3. Vildanova R.K. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Buryat State University]. 2014, no. 2, pp. 31–34 (in Russian).
4. *Vremennoe polozhenie o voennoi tsenzure* [Temporary provision on military censorship]. Available at: http://elib.shpl.ru/ru/nodes/13677-rossiya-zakony-i-postanovleniya-vremennoe-polozhenie-o-voennoy-tsenzure-utverzhdeno-20-iyulya-1914-goda-pg-1914 (accessed on January 28, 2021) (in Russian).
5. *Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia* [State Archives of Altai Territory]. Fund 181. Inventory 1. File 41. Correspondence with the Biysk district police officer on the distribution of anti-Russian literature (in Russian).
6. Gavrilov A.F. *Vestnik Voennogo universiteta* [Military University Bulletin]. 2009, no. 3(19), pp. 148–153 (in Russian).
7. *Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoiarskogo kraia* [State Archives of the Krasnoyarsk Territory]. Fund 595. Inventory 8. File 2744. The case against the Military Governor of the Syr-Darya region with the transmission of a copy of a letter signed by a Tatar living in the city of Krasnoyarsk, Suleiman Khoja (in Russian).
8. *Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoiarskogo kraia* [State Archives of the Krasnoyarsk Territory]. Fund 830. Inventory 1. File 83. Circulars of the special department of the police department of the Ministry of Internal Affairs on supervision of members of the Order of John, the Petrograd populist bloc, Russian Muslims and public attitudes (in Russian).
9. Gilazev Z.Z., Aynutdinov R.A. *Vestnik Viatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vyatka State University Bulletin]. 2017, no. 10, pp. 53–56 (in Russian).
10. Gilyazov I.A. *Novyi istoricheskii vestnik* [New Historical Gazette]. 2015, no. 2(44), pp. 103–115 (in Russian).

11. Danilov V.L. *Vestnik Omskogo universiteta* [Omsk University Bulletin]. 2008, no. 3, pp. 127–146 (in Russian).
12. Dondokov Ts.S., Ponurovsky Ya.A. *Vestnik ChitGU* [ChitGU Bulletin]. 2011, no. 6 (73), pp. 18–21 (in Russian).
13. Zagidullin I.K. *Ekho vekov* [Echo of centuries]. 2014, no. 3/4, pp. 37–54 (in Russian).
14. *Islamskie goroda v russkoi periodicheskoi pechati XIX – nachala XX veka* [Islamic cities in the Russian periodicals of the 19th – early 20th centuries] Moscow: "Sadra" Publ., 2015, 304 p. (in Russian).
15. Kurmaev M.V. *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk* [Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. 2015, vol. 17, no. 3 (2), pp. 377–382 (in Russian).
16. Osmanova M.N. *Islamovedenie* [Islamic studies]. 2013, no. 1, pp. 54–63 (in Russian).
17. Patrusheva N.G. *Tsenzurnoe vedovstvo v gosudarstvennoi sisteme Rossiiskoi imperii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka* [Censorship witchcraft in the state system of the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th century]. St. Petersburg: Severnaya zvezda, 2013, 620 p. (in Russian).
18. Patrusheva N.G. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice]. 2014, no. 1, part 1, pp. 175–178 (in Russian).
19. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. St. Petersburg: State Printing House, 1908, Collection III, vol. 25, 966 p. (in Russian).
20. Potapov Yu.A. *Vestnik Sankt-Peterburgskoi iuridicheskoi akademii* [Bulletin of the St. Petersburg Law Academy]. 2017, no. 4 (37), pp. 18–23 (in Russian).
21. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [Russian State Historical Archive]. Fund 776. Inventory 22. File 82. Main Directorate for Press Affairs of the Ministry of Internal Affairs. About skipping lithographic stones (in Russian).
22. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [Russian State Historical Archive]. Fund 776. Inventory 33. File 254. Main Directorate for Press Affairs of the Ministry of Internal Affairs. On the publication of leaflets, posters, etc. of the Committee of People's Publications in foreign languages (in Russian).
23. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [Russian State Historical Archive]. Fund 776. Inventory 33. File 258. Main Directorate for Press Affairs of the Ministry of Internal Affairs. Measures against Germanophile propaganda among Russian Muslims (in Russian).
24. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [Russian State Historical Archive]. Fund 821. Inventory 8. File 594. The case on the question of changing the order of management of the spiritual affairs of Mohammedans in Russia in order to combat Islamism and counter its influence on the non-Mohammedan peoples of the Volga region, Siberia and Central Asia (in Russian).
25. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [Russian State Historical Archive]. Fund 821. Inventory 8. File 833. Correspondence with the General Directorate of the Press and other institutions on various issues related to the censorship of Mohammedan spiritual and secular writings, including the issue of banning the use of foreign and handwritten textbooks in Mohammedan schools (in Russian).
26. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [Russian State Historical Archive]. Fund 821. Inventory 8. File 1199. Correspondence with the governors, the General Directorate of the Press and other institutions and officials on the investigation of the activities of the Muslim Union, which is not approved by the government, and in connection with the appearance in the periodicals of information about anti-government demonstrations of the Mohammedans (in Russian).
27. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [Russian State Historical Archive]. Fund 821. Inventory 133. File 450. About the publication of the magazine "World of Islam", subsidized by the government (in Russian).
28. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [Russian State Historical Archive]. Fund 1291. Inventory 3. File 1569. On determining the procedure for resettlement of Muslims living in Russia to Turkey (in Russian).
29. Sobolev V.G. *Fevral'skaia revoliutsiia: istoriia i sovremennost'* [February Revolution: history and modernity]. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Economics, 2017, pp. 151–171 (in Russian).
30. Usmanova D.M. *Simbirskii nauchnyi vestnik* [Simbirsk Scientific Bulletin]. 2013, no. 3 (13), pp. 147–152 (in Russian).
31. Khairutdinov B.Yu. *Vestnik TGGPU* [Bulletin of TGSPU]. 2011, no. 4 (26), pp. 138–141 (in Russian).
32. Shendrikova S.P., Danilin P.N. *Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scholarly notes. Electronic scientific journal of Kursk State University]. 2019, vol 1, no. 2 (50). Available at: http://scientific-notes.ru/#new-number?id=142 (accessed on January 28, 2021) (in Russian).
33. Shitskova M.A. *Istoriia knigorasprostraneniia v Orenburgskoi gubernii vo vtoroi polovine* XIX – *nachale* XX *veka* [The history of book distribution in the Orenburg province in the second half of the 19th – early 20th century]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts, 2014, 155 p. (in Russian).

Submitted for publication: July 09, 2021.
Accepted for publication: October 27, 2021.
Published: December 23, 2021.